

И. В. КРЮЧКОВ

ВЕНА И БУДАПЕШТ: ДВА ИМПЕРСКИХ ЦЕНТРА В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

В статье показано восприятие российскими путешественниками Вены и Будапешта. Вену посещали чаще, что отразилось на количестве и содержании текстов. Автор приходит к выводу, что в большинстве случаев у российских путешественников формировался положительный образ столиц Австрии и Венгрии, особенно в начале XX века. Данный образ выступал в качестве эталона для развития городов России.

Ключевые слова: турист, гостиница, кафе, восприятие, досуг, Австро-Венгрия.

Города Австро-Венгрии довольно часто становились объектами воспоминаний российских путешественников. Наибольшей популярностью пользовались Вена, Прага, курорты Богемии, Нижней и Верхней Австрии. Будапешт, находясь в стороне от основных маршрутов передвижения подданных империи Романовых по Европе, не пользовался славой города часто посещаемого россиянами¹.

Подавляющее число россиян путешествовало по Австро-Венгрии с помощью железнодорожного транспорта. Однако его качество в их воспоминаниях оценивается диаметрально противоположно. От описания мрачных и тесных вагонов до восхищенных оценок: «Как хороши венгерские железные дороги. Вагоны просторны... Они особенно удобны для туристов»². Чем объясняются такие противоречия? Большую роль играл общий психологический настрой, когда эйфория от поездки затмевала отдельные мелочи и недостатки или наоборот. Существенное значение имело и социальное происхождение путешественников. Представители элиты российского общества были избалованы шиком вагонов 1-го класса в России, в то время как вагоны австрийских и венгерских железных дорог больше соответствовали запросам среднего класса, и его представители были несказанно рады, оказавшись в скромной, но комфортной обстановке вагонов Австрии и Венгрии.

---

¹ В 1909–1914 гг. по линии общества, занимавшегося организацией экскурсий для российских учителей, Вену посетило 6151 чел. Это был самый посещаемый город, на втором месте находилась Венеция (4872 чел.), а Будапешт за этот же период посетило всего 438 чел. См.: Русские учителя за границей... 1915. С. 15.

² *Матафтина*. 1895. С. 335.

Знакомство русских с Европой начиналось в Берлине, а чаще всего в Вене, даже если они транзитом проезжали через столицу Австрии в Италию или Южную Францию. Для большинства путешественников Европа начиналась сразу за западной границей Российской империи. Однако многие россияне замечали разительные контрасты Привислинского края (Царство Польское) с остальной частью империи Романовых. Поэтому для них Варшава – это почти Европа, а Вена – уже настоящая Европа. П. Н. Милюков познание Европы начинал именно в Вене, где он увидел настоящий Запад: «Варшава... показалась мне... при сравнении с Москвой настоящим европейским городом – первым, который я видел. Что же сказать о впечатлении, произведенном Веной...»³.

Большинство россиян отмечало пограничный характер Вены и Будапешта: граница между Россией и Европой, Западом и Востоком, Германским миром и Балканами. Вена и Будапешт, впитав черты западной и восточной культур, отличались от Берлина и других европейских городов, их специфика заключалась в поликультурности: «Вообще в Австрии перемешались все хорошие качества и все недостатки Востока и Запада. Вена добродетельнее других европейских столиц, а пороков в ней вдвое больше»⁴. Поэтому многие россияне полагали, что Вену нельзя считать германским городом, относя это утверждение к одному из мифов, распространенных в России о Вене и венцах: «Сильно ошибаются те, которые думают, что в австрийцах вообще есть что-нибудь немецкое; еще меньше черт немецкого характера можно отыскать в венцах»⁵.

Для россиян Вена – это симбиоз культур: немецкой, славянской, мадьярской и итальянской, что придавало городу неповторимый колорит. В нем сочетались немецкий педантизм и славянская душевность, мадьярская экспрессивность и итальянский эстетизм. Все это не позволяло ставить немцев Вены в один ряд с немцами Германии. От пруссаков они отличались остроумием, веселостью и доброжелательностью, в том

---

³ Милюков. 1991. С. 85.

⁴ Письма графа П. Василя... С. 395. За псевдонимом «граф (князь) П. Василя» скрывалась дочь генерала А. А. Ржевуского (1858–1941), выданная замуж за представителя германской ветви князей Радзивиллов. Совместно с французской писательницей Ж. Адам Е. Радзивилл опубликовала цикл скандальных работ о жизни правящих элит европейских государств. Она прославилась тем, что доказывала участие российской полиции в создании протоколов сионских мудрецов.

⁵ Водовозова. 1883. С. 267. Данная работа не принадлежит к числу классических путевых очерков. Однако Е. Н. Водовозова несколько раз была в Вене, и в основу очерка, посвященного австрийской столице легли ее личные впечатления.

числе по отношению к иностранцам. Таким образом, в своем восприятии Германского мира россияне в лучшем случае признавали близость венцев к баварцам, трудолюбивым и жизнерадостным, одновременно отделяя их от остальной Германии, ибо в стремлении к досугу и жизни в удовольствии венцы больше напоминали французов и итальянцев⁶.

Однако возникал вопрос: чего больше было в Будапеште и Вене – Европы или Востока? В Вене было больше европейского начала, а в Будапеште Восток постепенно сдавал позиции, но этот город в отличие от Вены имел больше восточных черт. Следует подчеркнуть, что такого рода рассуждения основывались не только на путевых заметках. В России и в других европейских странах очень популярной была теория, согласно которой венгры (мадьяры) принадлежали не к финно-угорской языковой семье, а к тюркским народам⁷. Эти взгляды подогревались самими венграми, которые постоянно организовывали экспедиции на Восток в поисках корней венгерского народа; отметим в этой связи знаменитые экспедиции Е. Зичи, в том числе и на Северный Кавказ.

Вена и Берлин – излюбленный формат сравнения Среднеевропейского и Германского миров, и практически все сравнения были в пользу австрийской столицы. Вена – «аристократический шик и древнее происхождение», а Берлин – «город выскочка, с небогатым прошлым»⁸. Городской ландшафт Берлина – это правильная планировка улиц с четкой нумерацией одинаковых домов, что больше походило на принципы организации германской армии. Городской ландшафт Вены – дома-лабиринты, не похожие друг на друга, где можно легко заблудиться; в этом отражалась легкомысленность Вены и отрицание ею универсальных форм. Повседневность Берлина – мир бюрократии, педантизма и прагматизма. Повседневность Вены и Будапешта – «мир кафе», своеобразная культура габсбургских столиц: «Как трудно полюбить Берлин, так легко любить Вену»⁹. Кафе в Вене и Будапеште – это, прежде всего, дискуссионный клуб, художественный салон и «кулинарный эстетизм». Кафе в Вене и в Будапеште порождают своеобразное ощущение времени, измеряемого в чашках выпитого кофе, в числе прочитанных газет или в количестве собеседников. В тесном и душном берлинском кафе

---

⁶ Лесков. 1883. С. 141.

⁷ Дирр. 1907. С. 7.

⁸ Эту тему активно разрабатывал французский писатель В. Тиссо, книги которого были переведены и имели большую популярность в России. См.: Тиссо. 1877.

⁹ Письма графа П. Василия... С. 393.

мало кому захочется провести лишнюю минуту, тем более обсуждать злободневные проблемы политики, экономики и культуры.

«Кофейный маркер» служил подтверждением политических и культурных отличий различных областей империи Габсбургов. В Праге кофе пили не так, как в Вене, принося кофейник с приборами и отдельно сливки. Кофейная культура в Праге не была так развита, как в Вене и Будапеште. В этом отношении Вене ближе была российская (польская) Варшава, чем австрийская (богемская) Прага¹⁰. Венские кафе – своеобразный стиль жизни, политики, интеллектуального пространства. Все воспоминания Л. Д. Троцкого о Вене невольно сводятся к его дискуссиям с Р. Гильфердингом, К. Реннером, О. Бауэром и другими австрийскими политическими деятелями за столиками венских кафе¹¹.

Троцкий был поражен «кофейным социализмом» австрийских социал-демократов, которым венский стиль заменил революционность. Аристократизм и мелкобуржуазность, тяга к интеллектуализму и обрывочные познания Маркса, джентльменство и сальные шутки о женщинах спокойно сочетались в характере социал-демократов Вены. Противоречивость и многогранность австрийской столицы не могла не сказаться на венских политиках, в том числе социал-демократах. Они не позиционировали себя радикально по отношению к имперской власти, уживаясь с существующими устоями. «В старой императорской иерархической, суетной и тщеславной Вене марксисты-академики сладостно именовали друг друга “Herz Doctor”»¹². Это, на взгляд Троцкого, демонстрировало степень «разложения» венских социал-демократов. В Вене, в сравнении с Берлином, не было настоящей политики и политической борьбы, все выглядело буднично и по-домашнему. «Кофе» вытеснил политику, эстетика подавила революционность. Однажды О. Бауэр заявил Троцкому, что в Вене и в Австро-Венгрии нет внешней политики, так как общество в венских кафе не проявляет к ней ровным счетом никакого внимания¹³.

Россияне, даже если они негативно высказываются о венской и будапештской кухне, с большим благоговением вспоминали дивный кофе Вены и Будапешта. В своих мемуарах Милюков с восхищением описывал венский кофе: «А венский кофе с не тонушим куском сахара на сливочной пенке и с неизменным стаканом ледяной воды»¹⁴. Венская кух-

¹⁰ Воробьев. 1901. С. 1126.

¹¹ Троцкий. 1991. С. 203-204.

¹² Там же. С. 205-206.

¹³ Там же. С. 208.

¹⁴ Милюков. 1991. С. 85.

ня – отдельный предмет рассуждений российских путешественников. В 1870-80-е гг. доминировали негативные оценки венской гастрономии: мясо и мясные изделия – полусырые и невкусные, с ненужным обилием зелени, супы – это нечто напоминающее неправильную яичницу, спиртное – дрянь, а водку лучше не просить, принесут нечто дешевое, плохого качества и явно сделанное в Вене. Чай заказывать не рекомендовалось, но, как всегда, даже непримиримые критики венской кухни признавали неповторимый вкус венского кофе¹⁵. Общий вывод напрашивался следующий: «Вообще, оставив Россию, откажитесь от чая, хороших французских вин и хорошего курительного табака. Особенно в Австрии этого всего не спрашивать; возьмут дорого, а дадут ужасную дрянь»¹⁶.

Не стоит всерьез воспринимать большую часть такого рода опусов. Здесь проявляется типичное культурное противостояние. Когда россияне с 1870-х гг. стали в массовом порядке осваивать Европу, открылась полная несовместимость русской и европейской кухни. «Сырое» мясо Вены, Будапешта и Парижа отражало стиль приготовления мясных блюд в Австрии, Венгрии и Франции, не предполагавший лишнюю жарку или переварку блюд, чтобы мясо не потеряло свои вкусовые качества. Супы, похожие на яичницу, это супы-пюре. Массовый россиянин оказался абсолютно не готов к восприятию большинства марок европейских спиртных напитков и способов приготовления любимого в России чая. Отсюда бесконечная критика австрийских и венгерских вин. Долгое время показателем дикости Вены у многих россиян являлось отсутствие в гостиницах и в кафе самоваров. В начале XX в. критические выпады в адрес венской и будапештской кухни практически исчезают, что было связано не с улучшением качества и ассортимента предлагаемых блюд, а с тем, что русские путешественники привыкли к австрийской/венгерской еде и напиткам, и они больше не воспринимались как «гастрономический казус».

Городское пространство Будапешта и особенно Вены вызывало восхищение у российских путешественников. Планировка улиц и площадей, их чистота, архитектура общественных и частных зданий становились объектом положительных эстетических впечатлений о Вене и Будапеште. Н. Лесков писал: «Улицы, которыми вел меня проводник, все казались очень изящными, но по мере того, как мы продвигались к Леопольдштадту, изящество их становилось еще заметнее. Здания были

---

¹⁵ Клеванов. 1871. С. 69.

¹⁶ Там же. С. 70.

большие сильные и величественные»¹⁷. Практически все воспоминания россиян наполнены подробным описанием главных достопримечательностей Вены и Будапешта. Предметом особого внимания становились венские гостиницы, больше походившие на дворцы; многие россияне полагали, что ни в Санкт-Петербурге, ни в Париже нет таких гостиниц. Венские гостиницы отличались роскошью внутреннего убранства, особым уютом в сочетании с помпезным имперским архитектурным стилем, который должен был внушать приезжим мощь и величие империи Габсбургов. В начале XX века Будапешт также имел несколько величественных гостиниц, но их численность значительно уступала Вене.

Важное место в воспоминаниях россиян о городском пейзаже австрийской и венгерской столиц занимали венские и будапештские кучера. В Вене, и особенно в Будапеште, они разрушали убежденность россиян в том, что самые быстрые и лихие кучера находятся именно на их родине. С венскими и будапештскими кучерами могли сравниться только поляки: «Наши кучера так ездить не умеют. Они очень грузны, нет в них такой “элавации”, которая потребна для дышла...»¹⁸.

Городской ландшафт Вены и Будапешта четко дифференцируется в восприятии россиян. В Вене город делится на исторический центр и окраины, город и пригороды, и особняком стоит «город в городе» – Рингштрассе, воплотившая блеск и величие имперской Вены¹⁹. В Будапеште роль венского Ринга и Елисейских полей в Париже выполнял проспект Андраши с его имперской помпезностью и яркостью.

Обычно окраины европейских городов представляли печальное зрелище. Однако «...чем Вене можно гордиться перед другими столицами, это своими красивыми и разнообразными окрестностями»²⁰. Важным критерием принадлежности того или иного района Вены к центру являлось наличие трамвая²¹. Венские пригороды имели свои особенности. Троицкий четко выделял *Huetteldorf*, где красивые виллы сдавались на лето венской элите и среднему классу, и пригород становился «смещенным» центром Вены на сезон, и где зимой в условиях сезонной дешевизны он мог приобщиться к богемной жизни. В тяжелые периоды семья Троицких переселялась в безнадежный *Sievering*.

¹⁷ Лесков. 1883. С. 139-140.

¹⁸ Там же. С. 141.

¹⁹ Клеванов. 1871. С. 59-60.

²⁰ Водовозова. 1883. С. 270.

²¹ Троицкий. 1991. С. 204.

Описания окрестностей Будапешта в воспоминаниях россиян имеют эпизодический характер; они явно не попадали в список туристических мест, которые следовало посещать иностранцам, если это не были знаменитые будапештские водолечебницы и минеральные источники. Поэтому пригороды Будапешта производили унылое впечатление.

Центр Вены воплощал в себе средневековые Св. Стефана и примыкающих к нему узких улиц и порождение модерна – улицы Грабен и Картнер, на которых находились самые роскошные магазины. Грабен для русских – это Невский проспект в Вене. Только Невский был длиннее и шире, отражая масштабы империи Романовых и национальный характер россиян, а Грабен – уютнее, благоустроеннее и непременно с запахом кофе. Грабен и Картнер удивляли надписями о том, что в некоторых магазинах говорили на «французском языке», что было вполне естественно в Санкт-Петербурге или в Берлине²². Однако это не говорило о безграмотности населения. Россияне, посетившие школы Вены и Будапешта, были восхищены их материальным оснащением и ориентированностью на передовые достижения европейской педагогики²³. Даже школы Санкт-Петербурга по многим параметрам уступали школам Вены и Будапешта, не говоря уже о других российских городах. Система образования в школах Вены и Будапешта лишней раз демонстрировала европейскость Австрии и Венгрии, их ориентацию на Запад.

Будапешт – это, прежде всего, застывший в развитии аристократический Офен (Буда) и бурно развивающийся Пешт, блистательный центр и грязные окраины. Из-за своей европейскости Будапешт для россиян являлся самым невенгерским городом Венгрии, его космополитизм и стремление к инновациям восхищали. Будапешт – «не Венгрия», этот лейтмотив довольно часто звучал в словах россиян и иностранцев. Венгрия и ее национальный характер (психология кочевого и воинственного народа, радушие, импульсивность) в наибольшей степени проявлялись в провинциальных городах, особенно в Дебрецене и Сегеде²⁴. Приезжая в Будапешт многие российские путешественники были уже «обработаны» панславистской литературой и другими мадьярофобскими изданиями, культивировавшими образ «мадьярского врага». Поэтому, прибывая в столицу Венгрии, они опасались тотального проявления русофобии и враждебного отношения к ним со стороны венгерских

---

²² Клеванов. 1871. С. 61.

²³ Матафтина. 1895. С. 342.

²⁴ Водовозова. 1883. С. 491.

обывателей. Но уже первое общение с венграми (мадьярами) развенчивало эти страхи²⁵. А. Верещагин, брат знаменитого русского художника, побывавший в Будапеште, с восторгом вспоминал дни, проведенные в столице Венгрии: «Никогда я не предполагал, чтобы венгерцы могли так искренне, сердечно приветствовать русского...»²⁶.

Музыкальная жизнь Вены завораживала россиян. Обилие театров, вальсы И. Штрауса, музыка других композиторов на каждом шагу сопровождали путешественников в Вене: «Венцы – народ в высшей степени музыкальный, и эта страсть к музыке дает себя чувствовать уже с раннего утра»²⁷. При всем сходстве музыкальной жизни Вены и Будапешта, венгерская столица имела свою специфику. Музыка цыган, чардаши стали неотъемлемой частью музыкальной культуры Будапешта, что отличало его от Вены и в большей степени сближало с Россией, где цыганская музыка пользовалась огромной популярностью²⁸.

Воспоминания о Вене и Будапеште постоянно сопровождаются описаниями природного ландшафта, который поражал своей красотой, дополняя имперский блеск и эстетику этих городов. Природа Вены и Будапешта с симбиозом севера и юга Европы и с обилием солнца подчеркивала их поликультурность и отличала от Берлина с его монотонной северной природой и с недостатком солнца. Все это накладывало отпечаток на характер венцев, жителей Будапешта и Берлина. Северный климат закалял берлинцев, делая из них суровых и прагматичных людей²⁹. Мягкий климат Вены и Будапешта стимулировал вкус к удовольствиям и безмятежность жителей Вены и Будапешта.

Венские парки с их кафе, массовыми гуляниями и оркестрами производили неизгладимое впечатление. Россияне отмечали ухоженность, демократизм и продуманность до мелочей всех составных частей паркового досуга. Даже та часть Пратера, которая в основном посещалась низами венского общества, поражала своим комфортом и благоустройством. Правда, Н. Лесков обратил внимание на культурный раздел Пратера на аристократическую и демократическую часть (Телячий парк – “Kalbs-Prater”)³⁰. Граница проходила там, где начинались продавцы дешевых сосисок и мусор, валявшийся на газонах, хотя его было немного,

---

²⁵ *Матафтина*. 1895. С. 334.

²⁶ *Верещагин*. 1896. С. 234.

²⁷ *Водовозова*. 1883. С. 288.

²⁸ *Попов*. 1868. С. 97.

²⁹ *Водовозова*. 1883. С. 269.

³⁰ *Лесков*. 1883. С. 141.

в сравнении с парками многих российских городов. Еще одно обстоятельство бросалось в глаза россиянам – скорость, с которой венцы гуляли по парку. Объяснялось это тем, что венцы были предприимчивыми и деловыми людьми, очень ценившими время, и в тоже время венцы – большими эстетам и почитателями досуговой культуры. Поэтому им приходилось разрываться между профессиональными обязанностями и досугом, что выливалось в компромиссном отдыхе «в быстром ритме по дорожкам Пратера». Особенно этот ритм чувствовался в Государственном парке, излюбленном месте отдыха среднего класса Вены.

Большое впечатление на приезжающих производили парки Будапешта, особенно зеленая зона острова Маргит. Неотъемлемой частью парковой культуры венгерской столицы были ее минеральные источники и водолечебницы. В этом россияне усматривали последствия турецкого господства в Венгрии и очередное подтверждение пограничного характера Будапешта, впитавшего черты западной и восточной культур.

Важную роль в описаниях Вены и Будапешта играет погода, она оттеняет общий психологический настрой и подчеркивает остроту восприятия имперских столиц Дунайской монархии. В воспоминаниях «пессимистов» погода в Вене и Будапеште обязательно серо-осенняя, холодная с промозглыми дождями, все это драматизирует социальные и культурные противоречия городов. И Дунай – никакой не голубой, а серый и унылый, ничем не отличающийся от других рек Европы. Полная противоположность – восприятие венской и будапештской погоды «оптимистами»: «Про Вену можно сказать, что она никогда не бывает мрачной. Дунай в Вене он, в самом деле, синий... Живописные виды, окружающие Вену, несравненно хороши...»³¹. Встречались и нейтральные описания Дуная: «мутно-беловатый», но с позитивной оценкой³².

Достижения модернизации в Вене и в Будапеште у россиян вызвали большой восторг (архитектура, организация транспортного сообщения, городское хозяйство): «В Пеште такая же лихорадочная жизнь, что и в Вене. По всем направлениям несутся электрические трамваи»³³. Даже Санкт-Петербург в этом отношении не мог тягаться с Веной и Будапештом, не говоря уже о Москве и провинциальных городах Российской империи. Попытки объяснения сводились к признанию различий культурного уровня и наличия в Австрии и Венгрии большей свободы,

---

³¹ Письма графа П. Василя... С. 393-394.

³² *Матафтина*. 1895. С. 325.

³³ *Путник* (Н. Лендер). 1908. С. 244.

чем в России. Троцкий выбрал Вену в качестве места проживания в эмиграции, потому что в Вене не было такого разгула полицейщины, как в Берлине³⁴. Россияне обращали внимание на то, с каким достоинством себя держали венцы и будапештцы, даже из низших сословий: они четко определяли свои взаимоотношения с государством и законом, не позволяя излишне регламентировать свою частную жизнь, тем более властям в нее вмешиваться. Лесков описал сцену случайной встречи одной российской княжны в Пратере с Францем-Иосифом, во время которой венцы вели себя непринужденно, в то время как княгиня, к великому удивлению окружающих, находилась в состоянии ступора³⁵.

«Свобода» и «несвобода» Вены была постоянной темой для дискуссий между россиянами. Троцкий подчеркивал либерализм дуалистической Вены. Через это пришлось пройти и его детям, которым в венской школе по «Закону Божьему» разрешили без всяких препятствий выбрать лютеранство в качестве объекта обучения³⁶. Для него это был одним из самых важных проявлений венской свободы. В России очень много писали о разгуле полицейщины в Австрии в целом, и в Вене в частности. Однако, попадая в Вену, россияне понимали, насколько не соответствуют действительности эти утверждения. Именно свобода и либерализм 1860-70-х гг. сломали в представлениях многих путешественников средневековый, консервативный облик Вены, сделав из нее одну из самых красивых и изящных столиц Европы.

Большинство воспоминаний принадлежит мужчинам, что предопределило интерес к «женской тематике». На их взгляд все лучшие качества Вены и Будапешта были воплощены в их женщинах: элегантность, красота, грациозность, умение комфортно организовать свою жизнь. Женщины Вены и Будапешта отражали слияние лучших качеств Европы и Востока, в частности от восточных женщин они переняли сластолюбие и изнеженность, а от женщин Европы страсть к моде, веселость нрава и остроумие. Тяга венков к узкой талии трактовалась как «попытка хоть как-то отличиться от женщин Востока»³⁷. Воплощением красоты венских дам, разумеется, была императрица Елизавета (Си-Си), все довольно быстро забыли о ее баварском происхождении и пренеб-

---

³⁴ Троцкий. 1991. С. 202.

³⁵ Лесков. 1883. С. 144-145. С большим возмущением эту историю Н. Лескову рассказала служанка княгини.

³⁶ Троцкий. 1991. С. 226-227.

³⁷ Письма графа П. Василя... С. 394.

режительном отношении к дворцовому этикету. Женщины Вены и Будапешта постоянно отслеживали последние достижения парижской моды, но в отличие от женщин Берлина, они не копировали ее полностью, дополняя одежду своими задумками и предпочтениями³⁸. В этом проявлялась творческая и неугомонная натура Средней Европы. Однако венки, как и жительницы Будапешта, не были «истуканами». За всей этой монументальностью звучал голос «мужского утешения»: «...не все венки неприступны»³⁹. В глазах многих русских мужчин самые красивые женщины в Европе проживали в Будапеште⁴⁰. Такого рода рассуждения, как правило, касались всех мадьяр: «Мадьяры народ в высшей степени красивый, хотя они плотны и широкоплечи, но чрезвычайно стройны, имеют непринужденную, гордую поступь, смелый, гордый взгляд, в котором всякий прочтет сознание своего достоинства»⁴¹.

Венские и будапештские мужчины не вызывали особых эмоций у русских путешественников. Женщины отмечали в венских и особенно в будапештских мужчинах стремление к щегольству⁴². Рассуждения о женщинах, сексе в Вене непременно приводили к разговорам о З. Фрейде и психоанализе. Российская богема и интеллектуалы были в начале XX в. практически повально увлечены новой доктриной. Даже большевики оказались подвержены данной моде. Иоффе длительное время лечился у ученика Фрейда А. Адлера, о чем не мог не упомянуть в своих воспоминаниях Троцкий⁴³.

Многих россиян волновало, что венцы знали о России. Из разговоров с местными жителями россияне делали вывод, что о России венцы имели самые поверхностные и, как правило, негативные представления, полученные со страниц местных газет. Для них Россия – это деспотическая страна, где общество раздавлено произволом бюрократии и собственность ничем не гарантирована. Это, зачастую, порождало ответное пренебрежительное отношение к венцам. Очень примечательны аргументы «за» Россию, что выглядело примерно так: мы россияне имеем большие деньги и мы их тратим у вас, тем самым давая вам заработать на хлеб и масло, а «вы тут еще смеете нас критиковать». Комплекс

---

³⁸ Водовозова. 1883. С. 276.

³⁹ Письма графа П. Василия... С. 394.

⁴⁰ Клеванов. 1871. С. 71; Водовозова. 1883. С. 513.

⁴¹ Водовозова. 1883. С. 510.

⁴² Матафтина. 1895. С. 326.

⁴³ Троцкий. 1991. С. 216-217.

«толстосу́ма» присутствовал у многих россиян, оказавшихся не только в Вене, но и в других государствах Европы⁴⁴. Обиды за державу и «загубленное» самолюбие компенсировались ощущением собственной финансовой мощи, которой не могли похвастаться европейцы. Еще меньше о России знали жители Будапешта. Восприятие ими далекого восточного соседа шло через призму «агрессии 1849 года» и поддержки панславистских настроений, как внутри России, так и за ее пределами.

При доминировании положительных воспоминаний о Вене и Будапеште встречаются и критические замечания: «И вот, наконец, вы в Вене, в этой казарменно-холодной после мягкого изящества и теплоты Италии...»⁴⁵. Больше всего нареканий вызывала дороговизна Вены и Будапешта, их бюрократическая, холодная неискренность. Ряд авторов отмечал фальшь венского общества, когда даже прислуга старалась напустить на себя аристократизм и важность, за которыми реально ничего не стояло⁴⁶. В Вене невозможно было поговорить по душам, тем более за употреблением спиртного, что россиянам казалось неестественным.

В последней трети XIX в. многие россияне жаловались на прислугу венских гостиниц и кафе и на извозчиков, обвиняя их в грубости и в обмане. По мнению путешественников, венская и будапештская дороговизна заставляла низы общества с трудом сводить концы с концами, поэтому им приходилось жульничать и обманывать туристов, тем более во время денежных расчетов. Этим же объяснялась скромность и воздержанность среднего класса австрийской столицы. Россияне не могли поверить, что представитель среднего класса в большинстве случаев в дорогом ресторане заказывал только один бокал пива и стремился сэкономить на городском транспорте, предпочитая пешие прогулки. Все это было как-то не по-русски, где стремление к шику и показному богатству воспринимались вполне адекватно, даже в том случае, если приходилось залезать в долги. Ответ на возникавший вопрос, кто же постоянно в Вене заполнял дорогие рестораны и гостиницы, был прост: финансовая аристократия, еврейские банкиры и казнокрады⁴⁷. Такого рода критические рассуждения встречаются и применительно к Будапешту.

Тема «еврейского засилья» в Вене и Будапеште постоянно звучала в донесениях российских дипломатов, работавших в Австрии и в Венг-

---

⁴⁴ Клеванов. 1871. С. 68.

⁴⁵ Путник (Н. Лендер). 1908. С. 225.

⁴⁶ Клеванов. 1871. С. 59, 68; Путник (Н. Лендер). 1908. С. 225.

⁴⁷ Путник (Н. Лендер). 1908. С. 225-226.

рии, и на страницах периодической печати. Многие россияне были абсолютно убеждены, что банковский капитал, промышленные предприятия, пресса, культура находятся под полным контролем евреев: «Говорят, что весь Лондон принадлежит одному какому-то лорду. Вся Вена составляет собственность также одного владельца и это – еврей. Дома, не принадлежащие ему непосредственно, принадлежат ему через его банки, в которых они заложены. Ему принадлежат все фабрики, в его руках все финансы страны, вся промышленность, вся торговля, весь вывоз и ввоз. Он чуть ли не решает вопрос о войне и мире»⁴⁸.

С восторгом некоторые российские путешественники применительно к Будапешту повторяли эпитет антисемитов империи Габсбургов – «Юденпешт». Особенно у россиян вызывали раздражение евреи из Галиции, которые в отличие от венских и будапештских евреев не имели европейского лоска, сохранив пейсы, национальную одежду, занимаясь мелкой торговлей и сезонными работами. Эти люди принадлежали к низам столичного общества, зачастую не имея даже минимальных средств к существованию. Данные наблюдения о галицких евреях противоречили устойчивому мифу о «еврейском засилье» в Вене и Будапеште. Российские путешественники-антисемиты рассматривали еврейскую общину как единый монолит, отказываясь признавать очевидное глубокое социальное расслоение среди евреев Вены и Будапешта.

Некоторые авторы в Вене и Будапеште видели рельефное отражение политических и культурных противоречий империи Габсбургов, прежде всего «славянского вопроса». Славяне в Вене ими воспринимались как люди второго сорта. Надо подчеркнуть, что такие взгляды россиян формировались во многом под влиянием разговоров с общественно-политическими лидерами славян Вены, которые любили сгущать краски. В Вене налицо были признаки социальной дифференциации славянского населения, но российские путешественники не обращали внимание на этот факт, коллективно относя славян, в отличие от евреев, в разряд угнетенных и обиженных. Хотя и здесь был прогресс, так как, по мнению некоторых горячих критиков Вены: «Деспотическое господство австрийцев над разноплеменными народами теперь уже не так прочно, как это было раньше»⁴⁹.

Следует отметить, что наибольшее количество отрицательных откликов приходится на 1860-80-е гг., затем их число начинает резко сни-

---

⁴⁸ Лашин. 1897. С. 472.

⁴⁹ Путник (Н. Лендер). 1908. С. 227.

жаться. В начале XX в. такого рода рассуждения практически не встречаются. Россияне, с одной стороны, полностью адаптировались к венскому быту и стилю жизни. С другой стороны, постоянные поездки за границу способствовали росту культурного уровня «среднего» жителя России, тем более провинциалов. К тому же в начале XX в. большую часть приезжающих в Вену и Будапешт подданных империи Романовых уже составляли не представители интеллектуальной и политической элиты, «препарирующие» Вену и Будапешт с точки зрения анализа социальных и политических язв, а туристы, настроенные на отдых и познание новых городов и стран, что не могло не сказаться на содержании текстов российских путешественников.

Вена имела особый «домашний» характер для россиян. Свое путешествие в Европу они начинали в Вене и в ней они его завершали. Прибытие в Вену являлось предвкушением встречи с родиной и близкими, что придавало особую русскую сентиментальность образу Вены. Тоска по Вене присутствует в воспоминаниях многих россиян, и эта грусть перемешивалась с более широким явлением – приятными воспоминаниями о своем пребывании в Европе.

Сконструированные россиянами образы Вены и Будапешта носили многогранный и многоплановый характер, здесь перемешивались представления о блистательной повседневной жизни и идеальном типе европейского города рубежа XIX–XX вв., свободе личности и бедах человека «эпохи модерна», поликультурности «нового Вавилона» и национального снобизма. В отличие от Вены, Будапешт не стал «своим» для россиян, он находился в стороне от основных маршрутов передвижения российских путешественников и не вызывал тех чувств, с которыми уезжали и приезжали в Вену жители Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов России. Будапешт оставался довольно симпатичным, но чужим городом.

«Блистательность» Вены становится альтернативой националистичному, чопорному и педантичному Берлину. Россияне не очень комфортно чувствовали себя в германской столице, поэтому Вена с ее стремлением к удовольствиям и поликультурностью является лучшим свидетельством европейскости русских, прежде всего для них самих и показателем того, что они вполне гармонично могут жить в Европе. Отсюда следует бесконечное множество сравнений Берлина и Вены, и практически все они были не в пользу германской столицы. Кроме того, у россиян конструируется образ «Среднеевропейской общности», расположившейся между Германией и Россией.

Жанр путевых очерков показывает, насколько личное знакомство россиян с заграницей и, особенно с традиционным соперником России в Европе – Австро-Венгрией, расходится с доминировавшими в интеллектуальном пространстве России в последней трети XIX – начале XX в. стереотипами и клише, которые зачастую переходили в образ «австро-немецкого» и «мадьярского» врага. «Злой мадьяр» в них превращался в добродушного и хлебосольного человека, а жестокий и скучный австро-немец в веселого и очень открытого венца.

Вена и Будапешт для многих россиян были некоей идеальной моделью развития европейского города на рубеже XIX-XX вв., проецируя свой опыт на российские столицы и другие города России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Верецагин А.* У болгар и заграницей. 1881-1893. Воспоминания и рассказы. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1896. 328 с.
- Водовозова Е. Н.* Жизнь европейских народов. Т. III. Средняя Европа. СПб.: Общественная польза, 1883. 569 с.
- Воробьев Г. А.* Прага златоглавая. Путевые впечатления археолога // Исторический вестник. 1901. Июнь. С. 1122-1155.
- Дирр А. М.* Две статьи о современном положении кавказоведения // Список материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Тифлис, 1907. С. 1-17.
- Клеванов А.* Путевые заметки за границей и по России. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1871. 543 с.
- Лашин.* Письмо из Вены // Русский вестник. 1897. № 11. С. 469-473.
- Лесков Н.* Воспоминания император Франц-Иосиф без этикета // Исторический вестник. 1883. Январь. С. 139-146.
- Матафтина О.* Из Пешта в Вену (педагогические заметки) // Образование. 1895. № 4. С. 324-342.
- Милюков П. Н.* Воспоминания. М.: Издательство полит. литературы, 1991. 528 с.
- Письма графа П. Василия. Лондонское общество. Венское общество. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1886. 486 с.
- Попов Н.* Венгерские степи. Отрывок из путевых воспоминаний // Русский вестник. 1868. № 7. С. 81-98.
- Путник (Н. Лендер)* По Европе и Востоку. Очерки и картинки. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1908. 248 с.
- Русские учителя за границей. Возвращение домой. М., 1915. 125 с.
- Тиссо В.* Путевые впечатления. Поездка по Ломбардии и Австрии // Русский вестник. 1877. № 10. С. 878-909.
- Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. 624 с.
- Крючков Игорь Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета; igory5@yandex.ru.